

Виталий НИЛОВ
г. Петрозаводск

КЛОТО*, ИЛИ ПРОЩАНИЕ С РАЗВИТЫМ СОЦИАЛИЗМОМ

РАССКАЗ

В жизни редко бывают ясные, четкие границы тех ключевых моментов, о которых можно сказать: да, всё это именно тогда и началось. Тем более что память, сохраняя отдельные фрагменты прошлых переживаний, словно художник на картине, со временем начинает менять свои краски, переосмысливать сюжеты, искать логику и новые точки рассмотрения, наконец, что-то стирать. Поэтому, не вдаваясь в глубокие размышления по поводу истоков этой истории, обозначим ее начало просто встречей на набережной Невы под надзором строгих сфинксов, где я случайно оказался в далекие восьмидесятые годы, надеясь поймать такси.

Пока я ждал зеленый огонек, мое внимание привлекла девушка, которая, не спеша и часто оглядываясь, направлялась в мою сторону, очевидно, тоже надеясь найти попутный транспорт. По ее грустному виду мне показалось, что она чем-то очень расстроена или

огорчена. Когда она подошла, я, рискуя показаться назойливым, все же спросил, не могу ли чем-нибудь ей помочь. В ответ она только невесело улыбнулась и покачала головой. Несколько минут мы молча стояли недалеко друг от друга, поглядывая с ожиданием на пустую дорогу. Повисшая пауза создавала повод продолжить разговор, и я спросил:

— Вы, наверное, из университета?

— Да. А вы, наверное, тоже преподаватель? Возвращаетесь с занятий?

— Почему вы так подумали?

— Так внимательно и с чувством разглядывать сфинкса, как что-то сокровенное, может или историк, или искусствовед...

* Клото — младшая из трёх сестёр-моир, богинь судьбы в древнегреческой мифологии. Прядёт нить жизни и является олицетворением неуклонного течения судьбы.

Хотя накануне я высматривал скорее попутное такси, чем памятники, мне не хотелось спорить. В конце концов, ведь на нас действительно были обращены два из сотен ликов самого возлюбленного и облащенного всеми богами владыки и властителя вечности, «воссиявшего в Правде» фараона Аменхотепа III. В период его правления страна процветала, а, например, египетские врачи достигли такого высокого искусства, что исцеляли больных не только естественными снадобьями, но и музыкой. Об этом я только что рассказывал своим студентам, о чем сейчас и сообщил незнакомке.

Эта новость неожиданно ее заинтересовала, и она спросила:

— И как же вы настраиваете молодых людей на то, чтобы они тоже не проходили мимо этих изваяний?

— По-разному, в том числе напоминая, например, что Владимир Высоцкий регулярно навещал сфинксов, когда бывал в Ленинграде.

— Зачем?

— Думаю, уважал и черпал божественное вдохновение...

— А вы тоже уважаете и вдохновляетесь?

— Нет, смотрю на них скорее как на артефакты... Потому что, когда начинаешь в древних изваяниях видеть лики богов, сотворивших Вселенную, хочется спросить, например, почему, создав людей, они многим забыли подарить счастье... Вот хотя бы детям, которые еще не совершили чего-то плохого, греховного, а уже жестоко наказаны Всевышним, к примеру, какими-нибудь ментальными недугами...

Безуспешно подождав такси с четверть часа, моя попутчица предложила вместе перейти Неву по мосту. Наша прогулка на другой берег незаметно продолжилась далее по Невскому и привела к Казанскому собору. Судя по тому, как замедлился здесь шаг моей спутницы, назревало прощание. Повернувшись ко мне, она сказала:

— Спасибо за компанию! У меня сегодня не самый удачный день. А с вами было интересно поговорить, хотя и грустно порой еще раз вспоминать о несовершенстве мироздания... Но я хочу, чтобы вы оставили в памяти не толь-

ко эту серьезную сторону нашего разговора, а вспоминали и нечто более светлое, а может, забавное. Давайте, например, я вам погадаю с помощью Малого чешского оракула!

Мы зашли за колонну собора, где она достала из сумочки тонкую колоду карт и стала их перемешивать, нашептывая что-то на незнакомом языке. Пока моя спутница этим занималась, я успел разглядеть ее лицо с правильными миловидными чертами, светлые волосы, темные умные глаза, стройную фигуру. Когда она заметила мой заинтересованный взгляд, на ее лицо словно набежала тень, и, не заглядывая больше в карты, она сказала:

— Знаете, для гадания мне придется задавать некоторые вопросы, которые могут быть очень деликатными, да и вообще, для этого занятия желательна более подходящая обстановка... Извините, пожалуйста, меня. Давайте обратимся к оракулу как-нибудь в другой раз.

В ее голосе, как мне показалось, прозвучало не только извинение, но и какое-то пророчество, словно завязался узелок на нитях моей судьбы.

Мы стали прощаться, и я спросил напоследок, как ее зовут и откуда она приехала.

— Анета. Я из Праги. Училась в Ленинградском университете. Сейчас снова сюда вернулась на консультацию по диссертации.

— Как вы хорошо говорите по-русски! Я сначала думал, что вы из Прибалтики.

— Спасибо. Знали бы вы, как мне это нелегко далось! Когда я впервые приехала учиться в Ленинград, совсем не знала русского языка. Ничего не понимала ни на занятиях, ни на улице. Плакала ночами, рвалась домой, чуть с ума не сошла. Спасала свою голову лишь тем, что ходила к колоннам вот этого храма молиться и просить антику помочь.

— А друзья почему не помогали?

— Мне трудно было с ними общаться без языка. Некоторые соседи в общежитии приносили мне русские книжки, читали по слогам. Но прошло больше полугода, прежде чем я стала более или менее нормально понимать окружающих. Зато сейчас по разговору меня действительно часто принимают за русскую латышку. Так что спасибо еще раз за комплимент.

Мы еще немного постояли у собора, разговаривая и поглядывая на гуляющих в скверике людей, пока незаметно не опустился майский вечер. Видя, что Анета собралась уходить, я предложил ей проводить до метро.

— Спасибо, но я боюсь, что мы опять задержимся в пути за разговорами, а мои друзья, у которых я остановилась, наверное, уже ждут и беспокоятся. Давайте лучше как-нибудь встретимся. Вы ведь бываете в публичной библиотеке. Я там сейчас регулярно занимаюсь.

— Да, конечно. Я буду там через пару дней, надо посмотреть заказанные книги.

— Вот и хорошо!

Она повернулась и, взмахнув на прощание рукой, легким шагом побежала к метро.

Оставшись стоять под сенью Храма, я спрашивал себя о том, что же это такое было? Волны перестройки принесли много неожиданного в наши края. Переписывалась история, свергались авторитеты, менялись политические убеждения. Как-то к концу восьмидесятых годов это стало привычно. Однако стремительные назначения иностранками свиданий под сводами читального зала публичной библиотеки пока еще оставались в диковинку... словно с олимпийских высот спустилась посланница трех сестричек, что любят поворачивать мировое веретено.

Через несколько дней я зашел в публичную библиотеку и сразу же отыскал Анету в большом читальном зале за баррикадой книг на столе. Она приветливо улыбнулась и жестом пригласила сесть рядом. Я украдкой посмотрел на обложки ее книг. В глаза бросилось название одной из них — «Советская демократия в период развитого социализма».

— О, Анета, странная у вас подборка литературы!

— И это только часть моей библиографии! Вы уже взяли свои книги?

— Нет, но это не к спеху.

— Тогда, может, по чашечке кофе?

Мы спустились в уютный библиотечный буфет и устроились в тихом закутке.

Анета с улыбкой спросила:

— Вы, наверное, удивились, что у представителя страны «социализма с человеческим

лицом» может быть интерес к демократии «развитого социализма»?

— В общем, да. Тем более что у нас сейчас все подряд «развивают» и «ускоряют» с оглядкой на Запад.

— Знаете, наше чешское гнездо «социализма с человеческим лицом» в последние годы изрядно разорили. Сейчас в Чехословакии сталинизма больше, чем в СССР в пятидесятые годы. Поэтому мне стало интересно то, что сейчас происходит у вас в стране.

— А у вашей молодежи настроения и интересы, наверное, все же либеральные?

— Всякие, молодые люди очень разные. Я сужу по своим студентам. Одни погружены в учебу, другие — в музыку или религию. Третьи собираются с факелами по вечерам у памятника советской оккупации 1968 года. Мой старший брат в августе 1968 года, когда узнал, что немецкие танки стоят уже наготове у нашей границы, сразу убежал к ним на Запад.

— А вы?

— А я — за реализм в политике. Если бы вы вместо танков прислали нам фуры с такими же товарами, как на Западе, то все пошло бы, наверное, по-другому.

— Однако, Анета, почему все же вы сидите целыми днями в библиотеке?

— О, это длинная история. Если кратко, то меня, когда я еще училась в Праге в институте, рекомендовали для учебы в Ленинграде на философском факультете. Откровенно говоря, я не жалею. Поэтому снова попросилась сюда писать диссертацию.

— Случайно не под научным руководством Н.? — я назвал фамилию известного мне теоретика «развитого социализма».

— Да. А вы что, с ним знакомы?

— Немного, я бывал пару раз на его кафедре.

— Ну, тогда вы понимаете мою ситуацию и то, как решаются вопросы с диссертациями. Меня спасает, конечно, то, что я иностранка. Сама могу планировать свою работу и отчитываться в основном перед своими начальниками. Но тему исследования еще придется утверждать с научным руководителем.

Поболтав немного, мы вернулись в читальный зал, договорившись встретиться через неделю.

Новая встреча добавила мне интереса к моей неожиданной знакомой. Подкупало то, что симпатичная иностранка не строила из себя особу из западного мира, не смотрела свысока, как это часто бывает с приезжими из-за рубежа, много знала и понимала. Настораживало только то, с каким горячим желанием и надеждами она приехала искать новый опыт для своей страны туда, где общество в судорогах начало терять свои опоры.

Прошло семь дней. И я уже с утра искал глазами Анету в читальном зале. На этот раз она была не одна. Рядом за столом с ней располагалась симпатичная девушка, с которой они вместе что-то изучали, тихонько переговариваясь. Сначала я собирался переждать в стороне, пока они закончат свою беседу. Однако Анета, заметив меня, приветливо взмахнула рукой, приглашая присоединиться.

— А это Эвичка, моя подруга из Польши. Познакомьтесь.

Мы поздоровались.

— Эвичка только что приехала из Варшавы и привезла письма от моих друзей. Она приглашает сегодня вечером меня в гости. Я сказала ей, что приду не одна. Вы пойдете со мной?

Последние ее слова прозвучала как утверждение, и я только смог кивнуть. Мы попрощались, договорившись встретиться после работы в библиотеке.

Мой круг общения стал неожиданно наполняться новыми лицами, необходимость встреч с которыми была довольно сомнительна, но чувство сопереживания судьбе моей странной знакомой уже захватила меня. Кроме того, мне показалось, что Анета, возвратившись в Ленинград через пять лет, уже не совсем адекватно представляет, как изменились здесь и общество, и люди. Поэтому эта новая встреча, мне казалось, откроет возможность поговорить с ней о переменах в «таинственной русской душе».

Этим же вечером мы были в университетском общежитии на улице Шевченко. Под-

нявшись на четвертый этаж, быстро отыскивали комнату Эвички и, постучав, вошли. Эвичка была не одна. Рядом с ней на койке сидел длинноволосый модно одетый парень. Он с каким-то немym восхищением смотрел во все глаза на хозяйку, в то время как она ему что-то с улыбкой говорила, тихо и снисходительно. Увидев нас, он, словно опомнившись, быстро встал и пересел в дальний угол, а через минуту исчез за дверью. Эвичка, поприветствовав нас, тоже поднялась и стала накрывать на стол. Когда она вышла на кухню ставить чайник, Анета, наклонившись ко мне, прошептала:

— Этот парень — переводчик, ухаживает за Эвичкой. Он как паж, везде готов ее сопровождать, а она в свои тридцать лет...

Анета не успела договорить. Вошла Эвичка с чайником в руках и села с нами за стол. Теперь я смог ее лучше разглядеть. Несмотря на то что я уже знал возраст нашей хозяйки, выглядела она моложе, не более чем на двадцать пять лет. Характерные для лиц многих польских женщин миниатюрные скулы и нос, простые глаза, простой рот... Все небольшое и аккуратное. Но эта соразмерность создавала какую-то особую красоту. Я невольно вспомнил слова Наполеона о том, что польские женщины — самые красивые женщины Европы.

Наш визит был недолгим. Обсудив коротко последние новости и допив чай, Эвичка достала пакет с письмами для Анеты, который та убрала в сумку, и мы вышли. На улице еще не начали опускаться сумерки. Теплый вечер словно приглашал отправиться назад пешком.

Пройдя несколько шагов, Анета остановилась на секунду и спросила, переходя на «ты»:

— Как тебе понравилась Эвичка?

Стараясь не задевать ее ревность, я ответил, что не успел нашу хозяйку хорошенько разглядеть. Потом неожиданно для себя добавил:

— Зато ты мне очень нравишься!

— Ах, вот как! Значит, меня ты уже успел разглядеть?

— Во всяком случае, что-то уже успел заметить!

Мы дошли до Среднего проспекта. Анета, увидев афишу, предложила сходить на фильм, о котором уже много говорили у нее дома, в Че-

хословакии. В кинотеатре «Балтика» показывали «Голос одинокого человека» Александра Сокурова. Наверное, для Анеты перенесенный в этом фильме на экран литературный сюжет Платонова в виде набора фрагментов картин-состояний был непростым зрительским испытанием. Но мы добросовестно досидели до финала, негласно для себя решив пока свои соображения по поводу кино на обсуждение не выносить.

Выйдя из кинотеатра, нам захотелось зайти в ближайшее кафе, где, как оказалось, Анета любила бывать, когда училась в университете. Оглядев зал, она, видимо, все еще под настроением от фильма заметила:

— Всё стало не так...

— Что не так?

— Одиноко... Ты знаешь, сколько сюда раньше ходило народу! Мы, студенты-философы, прибегали в первую очередь. Сколько шума было, разговоров, встреч!

— Анета, ты же знаешь, теперь у студентов есть возможность дискутировать на новых площадках. Тебя друзья еще не пригласили в какой-нибудь клуб или кружок?

— Нет... Но я хотела бы побывать.

— Можно попробовать.

Покинув кафе, мы побрели по опустевшим ночным улицам, любуясь архитектурой старинных зданий и прислушиваясь к шуму засыпающего города. Я начал рассказывать о себе, о своей работе, о студентах, о волонтерских проектах, с помощью которых мы с ними вместе пытаемся что-то сделать такое, до чего у государства раньше не доходили руки.

Наш путь незаметно привел нас на Дворцовую площадь. Здесь Анета неожиданно остановилась и, взяв меня за руку, пристально посмотрела в глаза. Потом, помолчав, тихо промолвила:

— Ты знаешь, почему мне нравится ходить с тобой по городу? Потому что ты не спешишь и не видишь во мне чешку.

— Может, это потому, что я очень мало знаю о тебе?..

— А что хочешь узнать?

— Ну, допустим, кто ты, где родилась?..

— В Железна-Руда. Это место в горах Шума-вы, у границы с Германией. Кстати, я для дру-

зей привезла альбомы с видами Шума-вы. Если хочешь, мы можем завтра зайти и посмотреть.

Я проводил Анету до дома, где она остановилась погостить на этот раз, и отправился искать транспорт, чтобы добраться до своего места.

Утром, проснувшись, я снова вспомнил о фильме, который мы с Анетой смотрели накануне. Если у нее дома, в Чехословакии, это один из символов перемен в России, новый фокус внимания к тому, что у нас сейчас происходит, то, наверное, она должна почувствовать, как это далеко от «развитого социализма». Впрочем, друзья, с которыми она сейчас встречается, что-то, наверное, ей уже подсказывают о переменах в России. Интересно, что за друзья у нее? В конце концов, отбросив эти мысли, я отправился на новое свидание.

Мы с Анетой доехали на метро до станции «Проспект Большевиков» и вышли на улицу. Она с приподнятым настроением повернулась ко мне и показала рукой на стоящий неподалеку высотный дом.

— Они вон там живут. Я у них остановилась сразу, когда приехала, но давно уже не навещала. Так что они будут рады. И ты познакомься с ними.

Мы поднялись на лифте до квартиры, где Анету явно ждали. Она не успела позвонить в дверь и назвать себя, как хозяева выбежали навстречу с объятиями и поцелуями. Судя по ревнивым возгласам, их очень расстроило, что Анета после приезда, оставив вещи, быстро уехала навещать других своих бывших однокурсников и надолго задержалась. В маленькой комнате, заставленной мебелью, нас посадили за низенький столик. Предложили чай с конфетами. Хозяин семейства, высокий борода-тый мужчина, завел немного натянутый разговор о работе над диссертацией, о знакомых и друзьях, а его супруга, не успевшая снять домашний халатик, поинтересовалась, что Анета привезла из заказанных вещей и книг. В наш разговор непрерывно вторгались своими играми маленькие дети. Через час основные темы разговоров были исчерпаны, и, забыв про альбомы, мы с Анетой стали прощаться с хозяевами, которые особо не задерживали, так как с

самого начала им было понятно, что иностранная гостья опять не останется ночевать.

Когда мы вышли на улицу, моросил мелкий дождь, и нам пришлось задержаться в подъезде. Пока гадали о том, как быстрее и не сильно промокнув добежать до метро, с верхней лестничной площадки раздался громкий женский голос:

— Ишь, устроились! Не стыдно в чужом подъезде...

И тогда, не обращая внимания на ливень, мы бегом помчались к станции метро. Промокшие, заскочили в последний вагон уходящего поезда и вскоре добрались до «Приморской». Поднявшись на эскалаторе, стали прощаться. Дождь прошел, но на ночном небе все еще бежали темные грозовые тучи и в воздухе стояла какая-то тревожная тишина.

Анета протянула мне свои озябшие руки.

— Не беспокойся, здесь рядом есть еще одна моя хорошая явка, где меня ждут, — и, взглянув на меня, добавила шепотом: — Ты меня отпускаешь?

Я не решился что-то ответить, лишь осторожно прикоснулся щекой к ее щеке. Она улыбнулась и побежала, торопясь успеть, пока вновь не начнется дождь.

Прошла еще одна неделя после нашей встречи, и мы опять увиделись у колонн Казанского собора. Стоял по-летнему теплый солнечный день, и Анета решила показать одно из ее «сакральных» мест — «уголок Венеции». Им оказалась пристань на Мойке, куда мы добрались через Михайловский сад. Над пристанью возвышался великолепный Павильон Росси, встретивший нас благолепием ампира.

Подойдя к самому краю пристани, Анета взяла меня под руку и, наклонившись, тихо сказала:

— Когда я училась, мы с однокурсниками в белые ночи сюда постоянно приходили.

— Встречались и влюблялись?

— И расставались...

Глядя на ее грустную улыбку, я вспомнил Брюсова:

— «Эта светлая ночь, эта тихая ночь, / Эти улицы, узкие, длинные...»

— Да, так и было! — воскликнув, засмеялась она, а потом печально добавила: — К сожалению, за этим восторгом встреч часто следуют разлуки на года, навсегда, а также горькие открытия, что «никогда мы не будем вдвоём — я и ты»...

Она помолчала немного, потом, глядя на воду, тихо сказала:

— Может быть, я скажу глупость, но сейчас я как будто чувствую твою душу, как тогда при первой встрече на набережной, у сфинксов.

Она повернулась ко мне, и я увидел ее темные глаза, в которых сверкнули то ли слезы, то ли искры от сияния солнечного дня.

Мы вернулись в парк и отправились в сторону храма Спас на Крови. За внешней декоративностью его куполов мне почему-то вдруг привиделась скрытая история, полная трагедий, символов и неразгаданных смыслов. Я уже было собрался что-то сказать по этому поводу, как неожиданно Анета снова взяла меня под руку и, прижавшись, промолвила:

— Ты меня никогда не обманывай, потому что мне впервые так хочется быть искренней.

— Ты что-то хочешь мне еще рассказать?

— Да, я хочу, чтобы ты все обо мне знал и понимал меня... Я уже говорила тебе, что росла в обычной семье, с любимыми родителями в маленьком городке, в горах Шумавы, на границе с Баварией. В нашей семье, кроме меня, еще два брата — Марек и Карел, с которыми у меня были непростые отношения, особенно с Карелом. Но поскольку я росла с братьями, то умела быстро налаживать отношения с мальчишками, и в гимназии у меня было среди них немало друзей. Однажды, когда мне было двенадцать лет, мы с подругами одни загорали у реки, и к нам пристали взрослые парни, так наши мальчишки прибежали нас защищать и так их отлупили, что эти хулиганы больше никогда в городке не появлялись. С тех пор у меня есть верный друг Властик. Я с ним тебя когда-нибудь познакомлю. Эта школьная дружба и сейчас меня поддерживает в трудную минуту... Поэтому я всегда верю, как писал наш поэт: «И день придёт, и будут пахнуть розы...»¹

¹ Стихотворение «И день придет, и будут пахнуть розы» Франтишека Гэллнера (*František Gellner*; 1881 — 1914), перевод с чешск. А. Чулкова.

В годы учебы в гимназии я очень увлекалась чешским языком, поэтому и решила поступить на филологический факультет в Праге. В университете училась с большим удовольствием. Кроме того, занималась музыкой, играла на флейте, гитаре, пела. Как я уже тебе говорила, моя учеба в университете еще не закончилась, когда пришло приглашение на поездку в СССР. И в ректорате предложили ехать мне, как отличнице и достойной студентке.

— Наверное, Ленинград тебя многим удивил?

— О, это мягко сказано!

— А что так?

— Ты же понимаешь, другая культура, другой быт... В Ленинграде меня поселили в общежитии для студентов гуманитарных факультетов...

— На улице Шевченко?

— Да. Сейчас оно более или менее приличное. Но в 1975 году привыкать к условиям проживания в нем было нелегко. Кроме того, у меня не было ни друзей, ни знакомых, я не знала ни языка, ни особенностей русского студенческого быта. А это северное небо, «белое и без чувств, сквозь которое трудно пробиться лучу солнца»!

Я так сильно переживала, что от стресса появилось нервное заболевание, начались обмороки, сердечные боли. По вечерам плакала и хотела вернуться домой.

— Как же удалось тебе все это вытерпеть, выжить в конце концов?

— Ну, это отдельная история. Один парень заметил, как я мучаюсь, и стал помогать. Давай об этом в следующий раз. — Анета замолчала, словно что-то вспоминая.

Мне захотелось ее хоть немножко отвлечь, и я предложил опять посидеть в кафе. Мы вышли на Невский и стали высматривать подходящее заведение. Вдруг Анета остановилась у большой витрины магазина грампластинок:

— Давай зайдем на минутку!

Эта минутка растянулась на полчаса. Она попросила продавца показать все пластинки с записями произведений Моцарта. Потом стала с радостью откладывать те диски, которых у нее не было дома, в Чехословакии.

Купив несколько пластинок, мы вышли из магазина.

Анета остановилась и с хитринкой в голосе сказала:

— Ты знаешь, как меня звали, когда я была маленькой?

— Как же?

— Лягушонок! Поэтому мы сейчас идем в «лягушатник»!

У кафе «Мороженое» на Невском стояла очередь, в которую мы терпеливо встали. Анета оглянулась.

— Ты видишь, на нас снова смотрит антика?

Она показала взглядом на Казанский собор на другой стороне проспекта.

— Да, это уже судьба, наверное.

С этими словами мы поспешили внутрь кафе и опустились на знаменитый зеленый плюшевый диван. В зале было чисто и светло. Пока мы поглощали мороженое, Анета объясняла свои недавние покупки в магазине грампластинок.

— У вас еще не показывали фильм Милоша Формана «Amadeus»? В Чехословакии по его поводу настоящий ажиотаж. Мой друг Властик приходил ко мне в гости после фильма со слезами восторга на глазах и с наушниками в руках, чтобы по дороге домой снова слушать Моцарта. В пражских магазинах люди скупили все пластинки Моцарта, хотя у нас они очень дорогие. А ты знаешь, что Моцарт сочинял музыку без черновиков, она возникала в его голове сама собой, оставалось только записывать? Он был как солнце в музыке.

— Анета, но это же «солнце» многих, кто к нему приближался, очень больно обжигало.

— Что ж, каждому — своё.

— Раз так, тогда давай сходим сегодня вечером на «Реквием» в Капелле?

— И обретем покой?

— Requiem aeternam dona eis, Domine².

— Сомневаюсь, скорее услышим Страшный суд!

— Господи, помилуй!

² Domine (лат.) — «Покой вечный». Хор с партией солирующего сопрано в «Реквиеме» Моцарта.

Зал Капеллы был переполнен, многие молодые люди сидели даже на полу. Мы с Анетой нашли свободный диван на втором ярусе. Когда зазвучал хор «Confutatis maledictis»³, она взяла меня за руку, и я почувствовал, как она напряглась. Повернувшись, увидел, что на ее глазах блестят слезы.

После концерта, когда мы возвращались, Анета долго молчала. Я почувствовал, что она что-то опять мучительно вспоминает, и решил отвлечь разговором о музыке.

— А ты благодарный слушатель! Наверное, что-то сегодня открыла у Моцарта новое для себя?

— Да, но эта музыка всегда меня тревожит и заставляет грустить.

— Вспоминаешь о том своем парне?

— Вспоминаю, особенно когда грустно. Его звали Миша. Он не был студентом, а где-то обучался на закройщика. Жена — с трехмесячным ребенком! — выгнала его из дома, и тогда с помощью земляка из Сумгаита он устроился в общежитии. Миша быстро освоился, перезнакомился со всеми, в общем, стал для всех своим.

В декабре он подошел ко мне и предложил учить русскому языку. Начали заниматься с самых азов, буквально по слогам, как учат ребенка. Потом он стал ухаживать. Звать в кино. Водить по городу. Потом снял для меня квартиру на площади Мира, недалеко от кафе «Самовар».

— Которое на Моховой?

— Да. В это кафе он меня часто водил. Мне там очень нравилось. Может, съездим туда?

— Давай!

— Ты сможешь приехать завтра на площадь Мира в пять часов?

— Конечно, вообще-то, я уже в отпуске.

— Тогда до завтра!

— До завтра!

Мы простились, а я, несмотря на уже поздний час, решил прогуляться по Невскому. На площадке у Гостиного двора на раскладных столиках были разложены горы брошюр, га-

зет и листовок, отпечатанных на невзрачной бумаге, но сопровождаемых броскими и вызывающими названиями. Здесь неформалы разных толков и цветов прорывали горизонт советского «застоя», провозглашая эпоху перемен. Взглянув на эту пеструю и торжествующую толпу, я подумал, что Анета, наверное, запоздала со своей «ортодоксальной» темой диссертации. Решив показать ей некоторых из этих крикливых глашатаев грядущего, я взял с лотка наугад несколько газет.

Проходя мимо гостиницы «Англетер», я заметил молодых людей, очевидно, студентов, выстроившихся цепью, чтобы держать оборону священного для русской поэзии здания, которому власти города грозили ремонтом. Рядом стояла толпа немного странных людей в затертых джинсах, с рюкзаками и полевыми сумками. Они громко обсуждали между собой вопрос о том, на какую еще «демократическую» акцию стоит пойти.

Наступил новый день, и я отправился на площадь Мира, где меня уже ждала Анета. Кафе нас встретило национальным колоритом обстановки и меню. Как гид, Анета помогла мне выбрать достойные на ее вкус закуски, и мы устроились на лавочке рядом с самоваром.

В зале было немногочисленно и тихо. Я помог принести заказ, который вызвал у Анеты восторг. Ожидая продолжения вчерашней истории, я спросил, как у нее прошел этот день. Неожиданно она стала серьезной.

— Ты знаешь, в тот день, когда мы встретились с тобой у сфинксов, я передала на кафедре свой план диссертации, а вот сегодня его обсудили, и известный тебе профессор N. «зарубил» то, что я предлагала. А потом уже члены кафедры стали намекать, что «развитой социализм» это уже «не актуально».

— Ну, а что они другое-то посоветовали?

— Говорили очень осторожно, наверное, учитывая неясные перспективы вашей советской теории, а может, и политической конъюнктуры. А в результате, знаешь, сошлись на чем? — Анета засмеялась. — На теме «Становление концепции всемирно-исторической миссии пролетариата».

³ Confutatis maledictis (лат.) — «Ниспровергнув злословящих». Хор в «Реквиеме» Моцарта.

— О, я думаю, что эта тема успокоит большинство членов диссертационного совета. Пожалуй, это последний твердый гранитный островок среди бурного потока перестройки.

— Согласна. И ты знаешь, некоторые члены кафедры даже выразили уверенность, что я смогу в этой теме показать научную новизну, если буду использовать ранние труды основоположников марксизма в оригиналах и попытаюсь найти ответы на актуальные проблемы современности, которые имеют отношение не только к СССР, но и к другим социалистическим странам.

— Ты расстроилась?

— Сначала — да. Ведь дома столько думала над своей темой, столько литературы перечитала. А теперь решила, что все к лучшему. Немецким языком я владею хорошо, так что ранние работы классиков марксизма прочитаю в оригинале. А на миссию пролетариата у вас пока что вроде сильно не нападают. В общем, как-то так.

Послушав Анету, я не стал уже доставать газеты, собранные с лотков у Гостиного двора, а просто предложил:

— Пойдем еще погуляем по городу.

Мы вышли из кафе и отправились к площади, почти полностью занятой забором и огромными горами песка, завезенного метростроем для строительства новой станции. Забор вокруг строительной площадки был оклеен листочками объявлений по обмену жильём.

Я заметил, улыбнувшись:

— Народный филиал бюро «Горжилобмена».

Анета засмеялась.

— Может быть, и мы с тобой что-то подходящее здесь найдем? Кстати, вот дом, где я с Мишей жила.

Не сговариваясь, мы отправились в сторону Исаакиевского собора, продолжая наш бесконечный разговор. Величественный купол храма вырастал из-за крыш каждого дома, который мы не спеша проходили. Казалось, в такт с ним всплывали и воспоминания Анеты. Видя, что она опять собирается что-то сказать, я спросил:

— А ты долго встречалась с Мишей?

Она задумалась на минуту.

— У меня тогда с ним было все серьезно. В летние каникулы он предложил мне посмотреть страну, повез на Волгу, потом — в родной Сумгаит, чтобы познакомить со своей мамой. Старался выполнять мои желания. Я тоже помогала ему поскорее окончить учебу. Привозила из Праги ткани для пошива, по вечерам часами сидела в доме и чертила выкройки для него к экзамену. Всеми силами старалась удерживать его, даже тогда, когда ему явно хотелось убежать к друзьям.

— У него было много друзей в Ленинграде?

— Да, много, но он уже хотел куда-нибудь уехать. Стал все настойчивее просить меня свозить в Чехословакию и помочь найти там работу.

— А ты?

— Мне морально было очень трудно согласиться на эту совместную поездку. Но я переломила себя, хотя тревожилась всю дорогу. В Праге мы остановились у моего брата Марекка. Миша сразу начал настойчиво ухаживать за его женой, потом через три дня уехал один в Брно — «присмотреться к иностранной жизни». Когда вернулся, сказал, что Чехословакия ему понравилась, но переезжать сюда пока не будет... После этой поездки его отношение ко мне стало быстро меняться, пока и вовсе не наступило полное охлаждение. Он стал избегать встреч со мной. Мои однокурсники, которые были с ним знакомы, заметив наше разногласие, подстроили нам как бы случайную встречу наедине. Однако из этого ничего не вышло. Более того, Миша неожиданно уехал и год не подавал никаких признаков жизни. В конце концов, он ушел в «одиночное плавание». Еще два раза женился, завел четырех детей, а также любовницу.

— А ты?

— Я приняла эту перемену очень болезненно. Искала причину в себе. Даже думала о самоубийстве. Боли добавляло то, что Миша умудрялся не выходить из круга моих друзей, и с ним мне приходилось регулярно встречаться. Немного успокоилась, когда окончила учебу в университете и вернулась домой.

— А он тебя там больше не искал?

— Некоторое время он не объявлялся. Тогда в Праге мне нашлось место преподавателя в аграрном университете. Я год отработала, а летом поехала со стройотрядом чешских студентов в Подмоскowie. Миша каким-то образом узнал об этом, нашел адрес и примчался ко мне. Молил простить, говорил, что хочет уехать со мною, угрожал самоубийством. А я уже ничего не хотела. Но, конечно, его забыть не могла. Поэтому, когда спустя месяц он снова позвонил и позвал, собралась и поехала в Ленинград. Нашла его, но встречи не получилось. Еще в дверях он, торопясь, бросил мне на ходу, что у него всего десять минут, и попросил меня привезти из Чехословакии пуховую куртку. Я его хотела ударить, но удержалась и сказала: «Хорошо, привезу». И ушла.

— После такого, наверное, женщинам хочется всем мужчинам отомстить?

— Нет, этого не было. Но мучала какая-то душевная пустота. После этого стало как-то нерадостно даже с близкими друзьями. Мой однокурсник Женя Филиппов настойчиво проявлял внимание ко мне, приглашал в походы, домой к себе — в гости. Какое-то время я жила у него, но чисто по-дружески, с уговором не приставать. А когда вернулась назад к себе в общежитие, он неожиданно вызвал меня во время лекции в коридор, подарил букет и сделал предложение.

— А ты?

— Отказала, и он ушел, оставив на прощание золотой брелок с вензелем «ЕФ». Я его сохранила и никому о нем не рассказывала, вот только тебе сейчас.

— Спасибо.

Анета повернулась ко мне и улыбнулась.

— Пока все. Пора домой. Завтра у нас важный поход к инакомыслящему марксисту. Пока не спрашивай, кто это такой, потому что я сама еще только-только попала в его кружок.

Как обычно, помахав мне рукой, Анета поспешила к своим очередным университетским друзьям, которые наконец дождались возможности встретиться со своей зарубежной гостьей.

На следующий день наши пути с Анетой сошлись у невысокого скромного дома, где долж-

на была состояться необычная встреча. Хозяин встретил нас в своей маленькой двухкомнатной квартире, заставленной кактусами, которые он коллекционировал. Другим его увлечением, как выяснилось, были летние путешествия с семьей на байдарке и рыбалка. Об этом он успел рассказать, пока рассаживал гостей за столом, на котором стояли самовар, вазы с сушками и дорогими шоколадными конфетами. Среди пришедших было несколько молодых людей, как оказалось, студентов хозяина.

Он представился:

— Владимир.

Столь же просто он начал и свое занятие. В Ленинграде в эпоху перестройки появилось немало кружков и дискуссионных клубов, однако вузовские начальники все еще как огня боялись «ревизионистов», поэтому Владимир извинился перед студентами за то, что молодым людям пришлось посвятить свое свободное время серьезному разговору у него дома.

Потом он предупредил:

— Сегодня нам предстоит исследовать социальную революцию, возможно, с не очень понятным для вас названием, поскольку теории «коммунистической революции» в советском обществоведении не создано. Однако понимание названия и сущности коммунистической революции вскоре придут. Главное, чтобы мы с вами сразу бы пришли к согласию, что генеральной формой существования мира является развитие, представляющее собой последовательную прогрессивную смену конкретных форм.

После лекции хозяина зашел разговор о том, кто из гостей чем занимается. Когда Анета сообщила о своей диссертации, Владимир деликатно спросил ее о теме научной работы. Только что утвержденное на кафедре новое название диссертационной работы вызвало у него ироничную улыбку, и он вежливо заметил:

— А вы знаете, что диктатура пролетариата — это самая большая ошибка Маркса?

Анета немного смутилась, но быстро нашлась, что ответить:

— Я рассматриваю только генезис этой идеи в ранних трудах классиков.

— Тем не менее вам придется, наверное, делать проекцию и на современность?

— Я пока разрабатываю концепцию.

Прощаясь, Владимир показал толстую папку со словами, обращенными к Анете:

— Тут моя книга. Пока это гранки, но она уже скоро будет в печати. Возможно, то, что в ней написано, вам поможет в работе над диссертацией.

Простившись с гостеприимным и мудрым хозяином, мы отправились пешком на Невский и, чтобы немного сгладить эмоции от услышанного на занятии, взяли в кафе по бокалу вина. Вспоминая недавний разговор с Владимиром, Анета с грустной улыбкой заметила:

— Наверное, опять придется менять тему диссертации.

— Анета, не спеши, твоя кафедра еще не выбросила белый флаг, поэтому от пролетариата никак не откажется.

— Тем не менее книжку Владимира мне надо изучить. Если я не успею здесь приобрести, пришли, пожалуйста, ее мне в Прагу.

— Ты уезжаешь?

— Да, командировка кончается. Дома уже ждут, скучают.

— Кто-то из близких друзей?

— Я уже говорила тебе про Властике. Мы с ним дружим со школы. Это мой самый верный друг. Знаешь, когда он приезжает сюда, ничего не ест, кроме ленинградского мороженого.

— А твое сердце сейчас свободно?

— Понимаешь, я столько здесь пережила, что в Праге мне было достаточно дружбы с Властиком. Но потом его забрали в армию. И я опять осталась одна. Снова, как в Ленинграде, сидела в общежитии и плакала, к тому же все еще не могла Мишу забыть...

— Кто-то из коллег, наверное, проявлял все-таки внимание?

— Однажды с работы провожал ассистент с нашей кафедры и всю дорогу жаловался, что он порвал с невестой и теперь очень страдает. Умолял зайти, поговорить, помочь... Но на Рождество, когда мы с ним гуляли в парке, он сказал, что ему на минуту надо срочно на телеграф забежать и позвонить. Я его подождала немного на улице, потом зашла погреться в зда-

ние телеграфа и услышала, как он по телефону мило болтает со своей невестой, и убежала.

— Наверное, подруги как-то намекали, старались помочь?

— Еще как помогли! Когда я вернулась в общежитие, в соседнюю комнату поселили тоже преподавателя, Марту. Она жила одна, и мы с ней быстро подружились. Вместе гуляли, ходили в кино, парней обсуждали. Однажды вечером за чашкой чая она меня спросила, почему я не замечаю Томаша, который с меня глаз не сводит. Он ей показался хорошим парнем, и она предложила меня с ним познакомить.

— И вы познакомились?

— Да. Томаш оказался моложе меня, но тоже уже пострадавший от своих возлюбленных. Когда ему было семнадцать лет, он спал с девушкой на даче ее родителей, но дальше этого у них ничего не получилось. Потом, когда он остался один, его начала активно донимать толстуха, которая буквально не давала проходить своими ухаживаниями и окончательно отбила у него охоту жениться.

— И что же дальше?

— Как выяснилось, он меня увидел на занятиях и словно проснулся... Ходил за мной, искал встреч, но не решался подойти. Зато потом все пошло очень быстро. Уже в марте он сделал мне предложение, да еще и в необычной форме: встал на руки и прошел полкилометра! Свадьбу назначили на август. Он был ужасно счастлив, а мне сразу было трудно ему ответить. Кроме того, тем летом мне пришлось со студентами ездить в СССР, где Миша меня навещал и умолял вернуться к нему.

— Значит, твой брак с Томашем стал браком по расчету?

— Поначалу, выходит, да. Мы долго не понимали друг друга и переживали настолько, что Томаш совсем отчаялся... Ушел в религию, познакомился с верующей девушкой, стал ходить с ней в костел молиться. С ним все время происходили тогда несчастья: болел, ломал пальцы, не переносил синтетику, не мог бриться каждый день. Обострил отношения со своей матерью.

— Так как же вам удалось понять друг друга?

— Мы набрались терпения и потихоньку стали строить семью, стараясь понять и не обидеть друг друга, уважать личную свободу. Поначалу даже спали в разных постелях...

— И он сейчас ждет тебя?

— Очень. И я соскучилась. Мне нельзя терять то, что я нашла и построила с таким трудом.

— А ты ему говорила обо мне?

— Нет, он сам догадался по моим письмам. У нас был долгий разговор о том, была ли я права, что встречалась здесь с тобой... Но пусть это все останется между ним и мною.

— Когда же ты уезжаешь?

— Послезавтра мне надо на кафедре дать окончательный ответ относительно темы диссертации для утверждения. Ясно, что будет уже не «развитой социализм», — улыбнулась она. — А потом — на самолет. Меня друзья проводят.

Увидев, что я расстроен, Анета снова улыбнулась:

— Я тебе сразу напишу. Мне хотелось бы еще многое сказать... Я ведь даже не раскрыла тебе тайну чешского оракула!

Уже собираясь уходить, Анета вынула из рюкзака большой фолиант и показала обложку, украшенную ликами фараонов: «Jose

Pi Joan. D jiny um ní»⁴, и протянула мне.

— Это тебе. Я подписалась в Праге на эту серию из десяти книг и вышлю тебе оставшиеся тома.

Она ушла, и заплетавшиеся было нити судьбы словно остановили свое вихревое стремление.

Спустя два дня я опять стоял на том же берегу Университетской набережной. Торопиться было незачем, но я оглянулся вдаль, на пустынное начало дороги. Почему-то вспомнил Пушкина, который, пытаясь разгадать тайну сфинксов, вопрошал о тех, кто «на снегах возрастил Феокритовы нежные розы, а в веке железном золотой угадал». И невольно взглянул в холодные глаза древних египетских изваяний, застывших, как пограничные вехи, то ли чего-то пережитого, то ли еще неизвестного, где нежные розы снова расцветают, открывая тайны жизни...

⁴ Jose Pi Joan. D jiny um n (чешск.) — Хосе Пихоан. История искусства. Том 1. Praha: Odeon, 1987.

Виталий Михайлович НИЛОВ

родился в 1950 году в Минске. Окончил историко-

филологический факультет ПетрГУ. Доцент,

кандидат исторических наук. Автор свыше

ста научных публикаций, а также ряда

учебных пособий и монографий.

Живет в Петрозаводске.

